

Возможно, время остановилось. Я не знал. Я не мог сказать. Я был в ужасе. Мне было стыдно. Я был потерян.

Что я натворил?

Как я мог забыть? Как я мог быть таким чертовым идиотом? Как? Я был умным. Все так говорили. У меня была фотографическая память; я мог пересказать всю "Историю Хогвартса" - все двенадцать сотен страниц - дословно. У меня была голова для цифр и деталей, и я всегда помнил дни рождения людей. Я не забывал важную информацию.

Не забывала.

Тогда как это произошло?

Конечно, я сам позволил. Я так испугалась... У меня был целый месяц, чтобы забыть об этом, но я не смогла. Да и хотел ли я вообще? Не проще ли было позволить Дамблдору разобраться со всем этим? Я просто чертовски устал бороться. Шесть лет постоянного страха, постоянного беспокойства - нормальная жизнь была невозможна, а я только и мог, что грызть ногти и гадать, когда же все это выльется во что-то злобное, агрессивное и неисправимое.

Но было ли это вообще оправданием? Хотела отдохнуть от всего? Гарри наконец-то убил его. Мы победили. Все должно было закончиться, закончиться так невыносимо окончательно, как я не позволял себе надеяться уже очень давно, а потом, прежде чем я успел рухнуть от усталости и облегчения, у меня все отняли.

Украли.

И я проснулся в этом нелепом кошмаре, где все было не так, как должно было быть, и...

Прекрати, Гермиона, блядь.

Я почувствовал, как ненависть к себе, холодная и густая, опустилась на мои плечи, словно мокрое одеяло. Вот что произошло. Вот почему я забыла нечто столь фундаментальное.

Том Риддл-Волдеморт был легилиментом. Он, вероятно, знал все, включая исход войны, а это означало, что моя глупая ошибка разрушила не только мою жизнь, но и все будущее волшебного мира. Это означало, что...

"Ты здесь, чтобы шпионить за мной, не так ли? Для своего дяди? Тебя бы ни за что не определили в Слизерин. От тебя несет Хаффлпаффом - а может, и Гриффиндором. В любом случае, что-то жалкое. Но что он хочет узнать? Что он заставляет тебя делать?"

Что?

Я откинул голову в сторону, на мгновение ошеломленный. Он отодвинулся назад, его палочка была направлена прямо на мое горло.

Он не знал.

Он не знал.

Мой секрет был в безопасности.

Он не знал.

Мой рот был открыт. Мой пульс замедлился. А потом я сдержала смех, и затянувшиеся следы тревоги рассеялись - потому что за последний месяц я забыла, на что способна. Я застыл, не в силах нормально мыслить, мой мозг помутился от страха, паники и шока. Я погрязла в том, что очень напоминало жалость к себе, позволяя Тому Риддлу запугивать меня, преследовать, всегда стоя чуть ли не вплотную, его тело было теплым, а глаза холодными - вот только он был слишком близко, совсем чуть-чуть слишком близко, почти как будто знал...

Но он не знал.

Он ничего не знал обо мне.

Он не знал, что когда-то меня называли самой яркой ведьмой Хогвартса за последнее столетие; он не знал, что я помогла победить его, пятьдесят лет назад, и что я могу написать четыре фута пергамента о различных способах использования драконьей крови, даже не открывая учебника. Он не знал, что я магглорожденный, грязнокровка, не знал, что я довольно грозный враг, склонный к истерикам и подлым, хотя и необдуманным, актам возмездия. Он не знал, что я знаю о нем все - от его трагического начала до социопатического подросткового возраста.

Он не знал.

Гнев начал медленно закипать под поверхностью моей кожи, летучий и яростный, он взорвался в моих венах, словно кто-то поднес спичку к динамитной шашке и выкачал остатки тепла, прежде чем впрыснуть его в кровь.

Он пытался обмануть меня. Он пытался выдать свое жуткое, незванное присутствие за легилименцию. Он думал, что я - скромная, слишком привилегированная Чистокровная. Он считал меня ничем не примечательной. Он считал, что я ниже его, что я не стою его усилий. Он думал, что может заманить меня в ловушку в тенистых коридорах, припереть к стенке и заставить рассказать, что я знаю.

Я неодобрительно фыркнула.

Ну...

К черту.

Почти три недели я бродила по замку, опустив голову и вцепившись в руку Абракраса Малфоя. Я прикидывался дурачком на уроках, изображал безразличие, когда Эдмонд Лестрейндж разразился тирадой о грязнокровках - и о, как это слово задело меня, до сих пор, спустя столько времени, оно вызывало у меня желание бросить, сдать, напоминало мне обо всех способах, которыми я никогда не буду достаточно хорош, никогда не буду принадлежать себе, Но нет, я избегал Тома Риддла, открыто выражал свое отвращение, надеясь, что он признает свое поражение и оставит меня в покое.

Но не более.

Больше не будет этой вынужденной, нелепой полужизни, в которую я позволил Дамблдору себя уговорить. Я был лучше, чем это, лучше, чем это. Мне не нужно было прятаться. Мне не нужно было уклоняться от ответа.

"Тебе, наверное, стоит перестать задавать так много вопросов", - решительно сказала я, откинувшись назад, чтобы одарить его взглядом. "Ты меня не знаешь. Ты не знаешь, на что я способна. Тебе лучше оставить меня в покое, пока ты еще можешь".

Его глаза расширились. "Что?"

"Ты меня слышал", - сказала я, направляя палочку ему в грудь. Откуда это взялось? "Ты ошибаешься. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь и с кем имеешь дело. Я предлагаю тебе прекратить это, Риддл".

"Ты... ты угрожаешь мне?" - недоверчиво спросил он.

Я холодно улыбнулся ему. "Угроза - это такое неприятное, неправильно понятое слово", - добродушно сказал я, постучав пальцем по челюсти. "Оно заставляет меня звучать... злобно. Я бы предпочла сказать, что предупреждаю тебя, я думаю. Да. Мне так больше нравится".

Его рот скривился в недовольной гримасе, как будто он не мог поверить в то, что слышит. А может, и не мог. Возможно, ему было трудно примирить пассивную, мягко говорящую девушку, за которую он меня принимал, с той, что стояла перед ним. Рон ведь как-то назвал меня страшной, не так ли?

"Ты предупреждаешь меня? Конечно, ты же не серьезно".

Я вздрогнула. "Недооценка меня может оказаться опасной, Риддл", - ответил я.

"Я очень сомневаюсь в этом", - насмехается он. "Я видел тебя на уроках, помнишь? Ты же практически сквиб".

Я улыбнулся. Выражение его лица стало расчетливым.

"Практически - это не слишком большая гарантия, не так ли?" надменно ответила я.

Он нахмурил брови. "Вы шпионка?"

Я скривила губы. "А ты как думаешь?"

Он сделал паузу. "Я думаю, что ты очаровательна".

Я крепко сжала свою палочку. "Нет", - быстро возразила я. "Ты просто одержим. Ты ничего обо мне не знаешь, а поскольку я родственница дяди Альбуса, ты чувствуешь, что тебе это необходимо".

Он вздохнул. "Почему ты продолжаешь так говорить? Я практически не интересуюсь профессором Дамблдором".

Я недоверчиво фыркнула. "Он упоминал о тебе", - неопределенно ответил я. "Я знаю, что именно он привез тебя сюда из магловского приюта и познакомил с магией. Вполне логично, что он покажется тебе интересным".

Его челюсть напряглась. "Ты знаешь об этом", - заявил он обманчиво спокойным тоном. "Приют".

Я нахмурилась. Неужели это еще не общеизвестно? "А разве не все?"

Он двинулся так быстро, так внезапно, что я не успела отшатнуться назад; но он шагнул вперед, его руки схватили меня за плечи и потащили вверх, его пальцы вцепились в хлопок моей рубашки, его лицо было глупо близко, головокружительно близко...

"Нет", - прорычал он, его рот был открыт и горяч и находился в дюйме от моего - его дыхание, как я смутно заметила, пахло мятой, цитрусовыми и чем-то еще, чем-то мускусным. Это было захватывающе. Но так не должно было быть. "Они знают, что я сирота. Они знают, что моя мать умерла, когда я был еще младенцем, и что я никогда не знал о своем отце". Он выплюнул это слово, словно не мог избавиться от него достаточно быстро. "Но никто не знает, что летом я возвращаюсь в магловский приют. Кроме твоего дяди. А теперь, видимо, и ты. Но зачем ему говорить тебе об этом? Хм? Зачем ему рассказывать своей безнадежной, магически неумелой

племяннице что-то настолько личное о другом студенте?"

Я попыталась отстраниться от него. Он не отпустил. "Ты хочешь сказать, что за последние шесть лет - шесть лет, ради Бога, - никому не пришло в голову поинтересоваться, куда ты ходишь на каникулах?" Я задохнулся, вцепившись когтями в воротник рубашки.

Он долго, напряженно смотрел на меня, и только тогда я поняла, что его глаза не черные, совсем не черные - нет, вблизи, при свете камина, они не были черными, нет, нет, они были карими, темного, глубокого, шоколадного цвета, который заставил меня почти с тоской подумать о томных ваннах с пеной, дорогим шампанском и ежегодной новогодней вечеринке моих родителей, той самой, на которой они никогда не позволяли мне задерживаться допоздна, пока мне не исполнилось четырнадцать. Я перевела дыхание.

"Достаточно сказать, что если бы кто-то решил поинтересоваться этим, он бы... отвлекся", - ответил он, плотно стиснув свои идеальные, ярко-белые зубы.

"Значит, ты Легилименс, - прошептала я, сглотнув.

В его взгляде мелькнуло удивление. "Я так понимаю, твой вредный дядюшка сделал выводы и решил поделиться с тобой чем-то еще?"

Я медленно кивнула. Он толкнул меня обратно на диван.

"Что еще он знает?" - потребовал он.

"Ч-что?" заикалась я.

Он свирепо оскалился. "Что еще он знает?"

"О чем ты говоришь?"

Он усмехнулся. "Единственная причина, по которой я еще не залез тебе в голову - ты, глупая, глупая девчонка, - это потому, что я знаю, что ты бы это почувствовала", - сказал он, все еще угрожающе нависая надо мной. "А если бы драгоценная племянница Альбуса Дамблдора так осквернила свой бесполезный мозг, то, наверное, началась бы общенациональная охота на людей. Твои жалкие маленькие секреты вряд ли стоят таких неприятностей".

<http://erolate.com/book/4143/120689>